

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO 413 E. 14th St., New York, N. Y.

VOL. XXVII. No. 8973 SATURDAY, AUGUST 28 1937 Г. СΥΒΒΟΤΑ, 28 ΑΓΙΟΥΣΤΑ, 1937

ТЕАТР, ЖЕНЩИНА, ЛЮБОВЬ

КРАМАРЖ, ЧЕХОВ, ГОРЬКИЙ, ТОЛСТОЙ И М.Х.Т. В ЗАПИСКАХ ВЛАД. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО «ИЗ ПРОШЛОГО».

Крамарж в салоне Абрикосовой. — Чехов и женщины. — М. Ф. Андреева, революция и Горький. — Шутки Чехова. — Предсказания цыганки. — Толстой на спектаклях М.Х.Т.

Кто в России не знал имени Абрикосова, кто не ел абрикосовских конфет и, особенно, абрикосовой карамели? Этот богатый московский фабрикант издавал почтенный и хороший журнал «Вопросы философии и психологии». Женат он был на Хлудовой, из рода тоже крупнейших московских миллионеров. У нея был свой салон, там бывали писатели, артисты, ученые, и в этом обществе хозяйка блистала своей красотой. И, вот, однажды в этом салоне появился молодой политический деятель из Праги. Энергичный и красноречивый, он произвел на всех прекрасное впечатление. Не осталась равнодушной к нему и прелестная хозяйка дома. Абрикосова Крамаржем увлеклась так, что развелась, вышла за него замуж, оставила Москву и переехала в «Золотую Прагу».

У московского купечества были связи и с великими князьями, купец Хлудов дал взаймы Николаю Николаевичу (старшему) несколько сот тысяч рублей и как-то получил разрешение сделать императрице Марии Федоровне подарок. Она любила собак, и Хлудов поднес ей великолепного молодого дога. Когда Мария Федоровна вышла на прием, окруженная своими маленькими собачками, дог ринулся за ними. Силач Хлудов, сваливший ручного тигра, удержав дога, но тот разорвал толстый шелковый шнур, и собачки в испуге бросились под юбки императрицы. Дог — за ними, и Хлудов пополз на четвереньках, чтобы схватить непослушного пса.

Выйдя замуж за Крамаржа, Хлудова-Абрикосова все же не могла расстаться совсем с Россией. Лето Крамаржи проводили в Крыму, в собственном имении Хлудовых.

Москва, вообще, была романтичной Петербурга, страстной, азартной, — «безумней», как тогда любили говорить. Если она чем-нибудь увлекалась, то надолго, неистово, без охлаждения и измен. Влюбленная была в свой Малый театр, потом в Московский Художественный, а из театров протягивались трепещущие нити сердечных увлечений, романов, расхождений, происходили самоубийства, студенты и гимназисты бредили актрисами. Сейчас вспоминаю о днях своей юности, Влад. Немирович-Данченко рассказывает, что его первым увлечением была наездница в цирке и первая, в 16 лет, любовница — актриса. Темы любви, истории любви занимают немало места и в его повествовании о возникновении и расцвете МХТ. Даже скрытный, замкнутый, молчаливый Чехов проговаривался о своих увлечениях. До сих пор о женщинах в его жизни неизвестно почти ничего. Меж тем у женщин он пользовался большим успехом. Болтать об этом сам не любил, но были шопоты, но ходили слухи. Только раз Чехов в беседе с Немировичем проявил неожиданную откровенность. Впрочем, и случай был исключительный. Они давно не виделись, случайно встретились на выставке картин, решили увидеться на другой день, и в порыве радостного возбуждения Чехов рассказал поразившую его историю. Он ухаживал за одной замужней женщиной, и вдруг,

в последнюю минуту успеха, обнаружилось, что она — девушка. Сблизились они, или нет, — Чехов об этом умалчивал.

Но русская женщина ничем так беззаветно не увлекалась, как талантом. До женитьбы серьезной, длительной связи у Чехова не было. Больше одного года, — об этом он говорил сам, — никакая связь у него не длилась. Нежность, преданную покорность, любовь Чехов сберег для О. Л. Книппер, в письмах называл ее «пупсик», «дуся», «деточка», «актрисуля», «Книпуша», «радость моя», «немчушка», «таракашка», потом «балбесик мой», и даже «собака» моя». Конечно, если-б Чехов знал, что его письма будут когда-нибудь опубликованы, он воздержался бы от этих интимных обращений. Теперь их знают все, и никто не принял и не прочел их без светлой и растроганной улыбки.

Тут сказались еще и вечная склонность Чехова к юмору. Когда он продал свои сочинения А. Марксу и многое из написанного выбросил, его спросили, — сколько же юмористических рассказов он написал в молодости. Оказалось, около тысячи. Он умел находить и в людях смешные стороны, забавные черты. Одно время в Москве славился своим неудержимым и эффектным красноречием Викт. Ал. Гольцев, профессор и редактор журнала «Русская Мысль». Как-то Чехов ехал в пролетке с Немировичем, прелетка налетела на трамвай и перевернулась, но все сошло благополучно.

— Вот так, в один миг, могли мы и умереть, — сказал Немирович.

— Умереть, это бы ничего, — ответил Чехов, — а, вот, на могиле Гольцев бы говорил прощальную речь — это гораздо хуже.

Даже во время своей болезни он не переставал шутить. У его брата в это время родился ребенок. Его принесли показать. Чехов со смехом предлагал:

— Вот, не хотите ли купить за два с половиной?

И нашумевший роман Горького завязался тоже в театральных стенах.

Едва ли не самая красивая актриса русского театра, Мария Федоровна Андреева поступила в МХТ. Она была женщиной крупного чиновника, генерала Желябуржского. Начала играть еще в любительском «Кружке Алексеева (Станиславского)», потом заняла первое положение в Художественном Театре. Сценическое будущее ей улыбнулось. Все перевернулось сразу, все решил 1905 год. Революция Андрееву захватила. В этом круговороте она будто нашла себя, бросила мужа, бросила сцену, сошлась с Горьким, — их роман и гражданский брак прощумели и прогудели по всей России.

История МХТ связана со многими именами с бесчисленным количеством людей литературы, капитала, учености. Все это было не случайным. Когда театр собирался ставить Достоевского, на репетиции были приглашены некоторые ученые из Психологического Общества. Послушав и посмотрев репетицию, они сказали, что не театру у них, а им у него надо учиться, и в этом признании не было ни

фальши, ни преувеличения. Разгадка была проста, ученые не договорили своей мысли, не довершили формулу, не сказали двух важных слов: верная интуиция. Конечно, она одна еще не решающая сила, — нужна работа, проникновение в роль, пьесу, образ героя, дыхание жизни, вызванной для своих театральных, живых свершений. Театр или храм и мастерская, или храм и полотерство. В МХТ была ученица, очень талантливая, — к сожалению, она имела дурную привычку опаздывать на репетиции. Немирович решил ее проучить, и однажды, когда она опоздала, отменил всю репетицию, — отдал виньетицу на суд товарищей. На нее все так накинулись, что она бросилась в сених догонять режиссера, и тут же, на улице, стала на колених просить, что бы он вернулся.

Все в этом театре было исполнено сознанием важности дела, ответственностью пред искусством. Главной задачей было, что бы слова автора стали для актера его собственными словами, чтобы и режиссер, и автор умерли в индивидуальности актера. К нему предъявлялось всегда одно требование: не играть ничего, решительно ничего. Ни чувства, ни настроения, ни положения, ни слова, ни стиля, ни образа. Все должно прийти само собой. Давать актерам советы не любил и Чехов. Ему казалось все понятным.

— Там же у меня все написано, — отвечал он на вопросы.

А режиссеру говорил:

— Слишком играют.

Это не означало, что актеры переигрывают. Это означало, что они играют чувством, играют образы, играют слова. А вот как играть, не играя, это же надо было достигать, это не могло прийти в помыслах и сразу.

Не знали этого и лучшие императорские театры, а управляющие их не всегда отдавали себе ясный отчет в том, что именно нужно и какая ценность в том или ином исполнителе и режиссере. Немирович подал управляющему московскими театрами докладную записку, тот ее испещрил восклицательными и вопросительными знаками, исчертил красным карандашом и отложил в сторону. Уходя, Немирович ему сказал:

— А знаете, я сейчас иду на свидание с Алексеевым — Станиславским, хочу предложить ему открывать новый театр.

— Алексеев-Станиславский? Да, знаю. Я бы взял его в заведующие монтажной частью.

Так расценивали людей театра, так думали о них управляющие и директора. Правда, Станиславский, — особенно в начале, — чрезмерно был увлечен сценической обстановкой. Голос, утесы, пропасти, световые и звуковые эффекты, птица, таинственные тени и пятна, — все это было прекрасно, ново, умно, но слишком затягивало режиссера, околдовывало его и ослепляло. Федотова как-то сказала:

— Мне кажется, Костя с ума сойдет.

Чехов тоже пошутил:

— В следующей пьесе я сделаю ремарку: действие происходит в стране, где нет ни

комаров, ни сверчков, ни других насекомых, мешающих людям разговаривать.

Но эта влюбленность и создавала могущество и красоту театра. Во время одного из представлений «Чайки» рядом с матерью сидел в публике ребенок лет пяти. Он громко вставлял свои замечания, мешал публике, — ему прощали все, так он был забавен. Занавес поднялся, на сцене был сад. Ребенок закричал матери: «Мама, ну, пойдем туда, в сад погулять».

Ставили «Власть тьмы». Постановка была ультрареалистическая. Станиславский был еще во власти вещей, паузы, звуки. Ездили в тульскую деревню изучали там быт, записывали песни. Даже привезли оттуда бабу, немолдую крестьянку, в качестве консультанта при постановке. Но, должно быть, актеры не умели играть крестьян, или что-то не было схвачено в самом драматическом зерне. Толстому рассказали об этой постановке. Он заворчал: зачем нужны были разные натуралистические звуки? Тогда Немирович показал ему экземпляр «Власти тьмы», и там стояло в ремарках: «Слышно ржание лошадей...». «Слышно, как закрывается калитка». И т. д.

Это увлечение обстановкой имело промадное значение во всей истории русского театра. До МХТ в театрах был «сад», «лес», «зал с колоннами», «ренессанс». Сами чиновники поспеивались:

— Высочайше утвержденная зелья!

Но сцена — опасная западня, театр — лукавый и жестокий зверь. Тут всякая мелочь на весу и на счету, каждый вечер — победа или поражение, и в трепещущих сердцах зарождается неуверенность, возникают и гнездятся суеверия. Так было и при открытии МХТ. Почему его на-

начили на 14 октября? Не на 10, не на 15, не на 20-е? А это загадала цыганка. Но как не верить театру и предсудка, если их подтверждают факты! Композитор Блараберг написал оперу — она прошла в Большом театре 3 раза и была снята: на каждом спектакле происходило какое-нибудь трагическое событие. Несчастливой была пьеса Гнедича «Ненастье». На первом представлении умер главный исполнитель. Свободин. Пьеса не пошла. После того «Ненастье» хотели поставить в школе, — во время репетиции трагически погиб брат главной исполнительницы. Прошло много лет. Актриса Муратова хотела поставить в школе МХТ «Ненастье», и пьеса опять не пошла: умерла сама Муратова. Пришло известие о смерти актрисы Савицкой, и Вишневский кричал в коридоре:

— Ну вот! Что я вам говорил! Владимир Иванович вошел во двор в пролетке на белой лошади... Я вам говорил, что будет несчастье.

Хозяин здания МХТ купец Цукан, даже не уничтожал крик: они могли бы мстить. Цыганка предупредила Немировича:

— Когда будешь начинать большое дело, запомни: бери день какой-нибудь «нечетный».

Это значило, что открытие не должно быть ни в субботу, ни в воскресенье или в понедельник, и не на 5-е, 10-е, 15-е. Выбрали 14 октября. Через несколько лет обнаружилось, что и Московский Малый театр открывался 74 года тому назад тоже в среду 14 октября.

МХТ называли «Театром Чехова». Это так и было. Но в «организме» театра было и что-то «толстовское», точно сюда проник дух дома Ростовых, Волконских, Шербацких,

Облонских. Рано или поздно должно было произойти, если не сближение с Толстым, то хоть знакомство. И оно состоялось. В кабинете Немирович попросил разрешения закурить. Он удивился: «Вы читали мою брошюру о вреде табака?». Немирович не читал, и Толстой взял с него слово, что он ее непременно прочтет. Потом, через некоторое время, зайдя к Немировичу, опять спросил — бросил ли он курить и тот сказал, что бросил прочтена, но курит он попрежнему. Всегда хвалил Чехова: «Вот писатель, о котором можно говорить приятно». Но Чехова, как драматурга, упорно не хотел признать. Толстой пришел в театр на «Дядю Ваню». Казалось, спектакль захватил его внимание, местами Толстой был даже расстроен. В антрактах ничего не говорил. По окончании неодобрительно закивал головой:

— Что ему (Астрову) еще нужно? Тетя играет гитара, славно трещит скрипка. А он сначала хотел взять чужую же ну, теперь о чем-то мечтает.

Нельзя было противоречить в толстовской душе, и много высказанной и невысказанной правды мучило его, все больше, год от году, раздвигая душу, огорчало и разочаровывало. В «Дневнике для одного себя», незадолго до своего бегства, он записал: «20 августа. Ничего думал, вспоминал свою женитьбу, что это было что-то роковое. Я никогда не был даже влюблен. А не мог не жениться».